

Галина Анатольевна Ткачёва¹
tkacheva.ga@bk.ru

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1920—1930-е гг.

В статье на основании различных источников выявлены основные направления модернизации Дальнего Востока СССР в 1920—1930-х гг., которые определялись нормативно-законодательными актами и программными мобилизационными решениями государственно-партийных структур, имели единые стандарты, но различались по форме и содержанию. Отмечено, что параметры ускоренной модернизации советского общества достигались благодаря принципам централизованного управления, социально-экономического единства и специализации территориальных образований. На Дальнем Востоке реализовывались широкомасштабные проекты пространственной стратегии. В советской эволюционной модели модернизации 1920 г. и мобилизационной модели 1930 г. целевыми ориентирами являлись политические, военно-стратегические факторы повышения обороноспособности восточных районов путём интеграции в общесоюзное пространство. Институциональные и инвестиционные решения учитывали балансы производства и потребления, межотраслевые и межрегиональные связи. Обосновано, что пространственная стратегия делала акцент на наиболее эффективных направлениях развития Дальневосточного региона в рамках единого хозяйственного комплекса разделения труда, обмена между экономическими районами с учётом природно-ресурсных возможностей, наличия транспортных коммуникаций, трудовых ресурсов и значимости для выполнения общегосударственных задач не только на ближайшую, но и отдалённую перспективу. Внутриполитические и социальные трансформации, невозможность получения быстрого системного отклика на инвестиционные вложения при недостатке трудовых ресурсов не позволили осуществить декларированный принцип равномерного развития территорий советского общества.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, экономический район, модернизация, трансформация, индустриализация, коллективизация.

Galina A. Tkacheva¹
tkacheva.ga@bk.ru

MOBILIZATION MODEL OF MODERNIZATION THE FAR EAST OF THE USSR IN THE 1920—1930s

The article using various sources defines the main directions of modernization of the Far East of the USSR in the 1920—1930s, which were determined

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

by regulatory and enforcement acts and programmatic mobilization decisions of state-party structures, had uniform standards, but differed in form and content. It was noted that the parameters of the accelerated modernization of Soviet society were carried out on the principles of centralized management, socio-economic unity and specialization of territorial entities. In the Far East, large-scale projects of a spatial strategy were implemented. In the Soviet evolutionary model of modernization of 1920 and the mobilization 1930, the targeted landmarks were political, military-strategic factors in increasing the defense capabilities of the eastern regions by integration into a all-Union space. Institutional and investment decisions took into account the balances of production and consumption, intersectoral and interregional ties on the delimitation of industrial and agricultural, resource areas. It is substantiated that the spatial strategy has focused on the most effective areas of development of the Far Eastern region as part of a single economic complex of division of labor, exchange between economic regions, taking into account natural resource capabilities, the availability of transport communications, labor resources and significance for the implementation of national tasks not only for the nearest one, but also a distant perspective. Intra-political and social transformations, the inability to obtain a quick system response to investments with a lack of labor resources did not allow the declared principle of uniform development of the territories of Soviet society.

Keywords: Far East of the USSR, economic region, modernization, transformation, industrialization, collectivization.

Концептуальное обоснование советской институциональной составляющей формировалось в рамках теоретического осмысления и практической реализации идей строительства социалистического/коммунистического общества. В условиях острого внешне- и внутривнутриполитического противостояния 1920-х гг. на большей части бывшей Российской империи завершился процесс создания государственного образования нового типа — РСФСР/СССР — с предоставлением определённых прав субъектам федерации, государственным учреждениям и общественным организациям.

В рамках административно-территориального устройства СССР под руководством председателя Госплана Г.М. Кржижановского были разработаны основные положения экономического районирования, которые использовались с некоторыми изменениями до начала 1990-х гг. [11, с. 10, 72, 146]. Базисом территориального образования определялся экономический район — целостная локализованная структура географического, производственно-функционального пространства с определённой однородностью формирования и функционирования природного и культурного ландшафта, социальной структуры населения, которая, как особо подчёркивалось, облегчает регулирование взаимоотношений между его составными частями, способствует более целесообразному распределению промышленности и сельского хозяйства на всей территории СССР [1, с. 712].

На основе целевого директивного планирования на 10—15 лет устанавливались народно-хозяйственные пропорции на 5 лет, обосновывались годовые показатели социально-экономического развития территорий,

распределялись материальные и трудовые ресурсы. При составлении долгосрочного государственного плана электрификации Советской России было выделено 8 районов — Северный, Центрально-промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Западно-Сибирский, Кавказский и Туркестанский; территории Восточной Сибири и Дальнего Востока по геополитическим соображениям (входили в состав Дальневосточной республики) не включались. В годы первой пятилетки (1929—1932) социально-экономическое развитие СССР в пространственном разрезе планировалось по 24 районам, в годы второй (1933—1937) — по 32 районам и зоне Севера, третьей (1938—1942) — по 13 сгруппированным районам.

Судя по отчётности, с 1923/24 по 1927/28 г. государственный бюджет СССР увеличился в 6,6 раза, составив 5574,5 млн руб., был сбалансирован по доходам и расходам. На развитие транспорта и связи выделялось стабильно в среднем 31,1% средств, с ежегодным увеличением на народное хозяйство с 15,1 до 27,1%, на социально-культурные нужды — с 5,6 до 8,9%, на дотацию в местные бюджеты — с 5,2 до 5,5%, а на обеспечение безопасности страны госбюджет уменьшался с 17,7 до 14,3% (подсчит. авт. по: [8, с. 205, 208]).

Показатели первого пятилетнего плана СССР основывались на форсированном сценарии трансформации советского общества с использованием не только экономических, но и идеологических, неэкономичных методов реконструкции, технического перевооружения основных отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Так, размер капитальных вложений за пятилетие 1923/24—1927/28 гг. составил 26,5 млрд руб., из них в сельское хозяйство — 15 млрд (57%), в промышленность — 4,4 млрд (17%), в транспорт — 2,7 млрд (10%), в электроэнергетику — 0,9 млрд (13%), на другие цели — 3,5 млрд (13%). Для 1928/29—1932/33 гг. финансирование увеличивалось в 2,4 раза и определялось в сумме 64,6 млрд руб. с изменением удельного веса отраслевого производства: в промышленность выделялось 23,3 млрд (36%), в сельское хозяйство — 16,4 млрд (25%), в транспорт — 3,1 млрд (5%), на прочие расходы — 11,9 млрд (18%) (подсчит. авт. по: [7, с. 449]).

Второй пятилетний план модернизации СССР в условиях обострения геополитической ситуации предусматривал ускоренные темпы формирования военно-промышленного комплекса и социалистического типа сельскохозяйственного производства, устойчивой транспортной инфраструктуры. На проведение капитальных работ отпускалось (в ценах 1933 г.) 133,4 млрд руб. (50,5 млрд — в первой пятилетке). На развитие промышленности направлялось 69,1 млрд (52%) против 25 млрд руб. в первой пятилетке (49%), из них соответственно 77 против 85% шло на модернизацию средств производства. В сельское хозяйство вкладывалось 15,2 млрд (11%) против 9,7 млрд (19%), в транспорт — 26,3 млрд (20%) против 3,9 млрд руб. (8%). Основные производственные фонды должны были возрасти с 85 млрд до 195 млрд руб.: по промышленности — в три раза, по сельскому хозяйству и транспорту — в два раза [2, с. 665].

По аналогичным параметрам определялись направления модернизации и на 1938—1942 гг. Общий размер капиталовложений в третьей пятилетке составлял 181 млрд против 115 млрд руб. во второй пятилетке и 51 млрд — в первой. Больше половины, а именно 103,6 млрд руб., направлялось на развитие промышленности, из них 87,2 млрд — на увеличение средств производства. В транспортную структуру государственные вложения составляли 35,8 млрд (20%), в сельское хозяйство — 10,7 млрд руб. (6%) (подсчит. авт. по: [3, с. 300]).

Таким образом, пятилетнее планирование устанавливало основные параметры ускоренной модернизации советского общества на принципах централизованного управления, социально-экономического единства и специализации территориальных образований. Пространственное размещение производства учитывало не только природно-ресурсные возможности регионов, но и наличие транспортных коммуникаций, трудовых ресурсов, а главное — значимость для выполнения общегосударственных задач.

Территории Дальнего Востока вошли в состав РСФСР по решению Народного собрания Дальневосточной республики (образована в апреле 1920 г.) в ноябре 1922 г., законодательно были оформлены постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 25 июля 1923 г. как Дальневосточная область. В рамках концептуального обоснования оптимальной структуры социально-экономического развития СССР 4 января 1926 г. область была преобразована в Дальневосточный край с 9 округами (Читинский, Сретенский, Зейский, Амурский, Хабаровский, Николаевский-на-Амуре, Владивостокский, Камчатский, Сахалинский). В дальнейшем территории Читинского, Сретенского, Зейского административных образований вошли в состав Восточно-Сибирского края, а Чукотского, Корякского и Охотско-Эвенкийского — Камчатской области. Северо-восток СССР передали под управление Государственного треста по промышленному и дорожному строительству (Дальстрой). Дальневосточный край 20 октября 1938 г. разделили на Хабаровский край в составе Хабаровской (упразднена в 1939 г.), Амурской, Нижне-Амурской, Еврейской автономной, Камчатской, Сахалинской областей и Приморский край, включавший Приморскую (упразднена в 1939 г.) и Уссурийскую области (упразднена в 1943 г.) [ГАХК. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 68. Л. 64—69; Ф. 137. Оп. 23. Д. 50. Л. 51; Д. 73. Л. 2; Ф. П-2. Д. 768. Л. 401, 402].

Все преобразования областей, районов, национальных округов Дальневосточного региона сопровождались унификацией советско-партийных структур в соответствии с планово-распорядительной системой управления пространственной составляющей СССР. Районирование являлось инструментом формирования новой модели социально-экономической трансформации дальневосточного общества при решении как общегосударственных, так и региональных проблем.

Основные положения, сформулированные в постановлении Совета труда и обороны 17 октября 1924 г., провозглашали «...вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохо-

зяйственной и промышленной продукции страны путём рационального, как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов, расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов» [10, с. 18]. Территориальное пространство рассматривалось в рамках единого народно-хозяйственного комплекса взаимосвязанных отраслей и районов не только на ближайшую, но и отдалённую перспективу.

Дальневосточный край (ДВК) являлся наиболее удалённой территорией от индустриально развитых северо- и юго-западных районов СССР, имел наиболее протяжённую сухопутную и морскую границу с сопредельными государствами. По ориентировочным данным, территория региона площадью 2 млн 570,3 тыс. кв. км, составляя 12,2% площади СССР и 13,2% — РСФСР, имела всего 645,9 тыс. кв. км обжитой территории (25,1% с плотностью 0,75 чел. на 1 кв. км) с разной степенью освоения по административно-территориальным единицам. Наиболее освоенными являлись лучше развитые в промышленном и сельскохозяйственном отношении Владивостокский (89,2% — 7 чел.), Читинский (60,4% — 2,44 чел.), Сретенский (56,3% — 1,95 чел.), Амурский (40,1% — 1,72 чел.), Зейский (36,5% — 0,28 чел.), Хабаровский (23,1% — 0,92 чел.) округа [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 113. Л. 24].

Разработанный Дальневосточным экономическим советом и Краевым земельным отделом план развития Дальнего Востока СССР на период 1925/26—1935/36 гг. устанавливал очерёдность выполнения программы формирования производственных и трудовых ресурсов, примерную стоимость и ожидаемый экономический эффект. Он рассматривался на комиссиях Госплана СССР и РСФСР в начале 1927 г. и уточнялся при составлении пятилетних планов.

Дифференциация между северными и южными территориями, несбалансированность социально-экономического развития с учётом природно-ресурсных факторов, демографических и трудовых ресурсов ограничивали финансовые возможности Дальневосточного края по структурной перестройке базовых отраслей промышленности и сельскохозяйственного производства. Она осуществлялась с использованием государственной бюджетной системы СССР — местного, республиканского и союзного бюджета.

Впервые формирование местного бюджета на Дальнем Востоке было предпринято правительством Дальневосточной республики, но закон от 22 июня 1922 г., установивший порядок составления и утверждения смет о доходах и расходах местных управлений, не был реализован. В 1923 г. бюджеты составлялись лишь отделами коммунального хозяйства, с 1923/24 г. — финансовыми структурами Дальневосточной области / Дальневосточного края в соответствии с требованиями общероссийского законодательства, но с использованием разноуровневых статистических показателей в денежном выражении по территориальным образованиям.

По самым общим расчётам Госплана, уровень бюджета Дальневосточного региона в 1923—1928 гг. был ниже, чем в среднем по РСФСР.

Если вначале расходы увязывались с доходами, формируя бюджетное равновесие, то в последующем — определялись в зависимости от ресурсов. Дальневосточный край расходовал больше, чем выделялось по государственному бюджету, что объяснялось необходимостью финансирования оборонных и переселенческих мероприятий, промышленности республиканского и союзного значения — золотодобывающей, угольной, лесной, рыбной, металлообрабатывающей. С учётом государственного финансирования и поступлений из местных источников регион располагал в 1923/24 г. 50,4 млн руб., в 1927/28 г. — 84,5 млн, а израсходовал 50,2 млн и 112,8 млн руб. соответственно. Доходы местного бюджета с 1923/24 по 1926/27 г. увеличились в 1,3 раза и составили за четыре года 128 млн руб., но расходы возросли в 3,4 раза (до 174,3 млн руб.). Практически все расходы покрывались при помощи общероссийского и республиканского финансирования: только в 1927/28 г. край смог обеспечить 20% затрат из своих ресурсов. Дефицит госбюджета на модернизацию ежегодно увеличивался и составил в 1925/26 г. 6,9 млн, в 1926/27 г. — 12,6 млн, в 1927/28 по 28,3 млн руб. Даже при получении долгосрочного банковского кредита сокращались объёмы работ, утверждённые центральными структурами, урезалось финансирование социальной инфраструктуры [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 32-а. Л. 5—5 об.; Ф. 353. Оп. 4. Д. 1. Л. 58; 6, с. 57—58].

В отраслевом разрезе финансирование региона отличалось от общесоюзных показателей. Самый большой объём расходов приходился на оборону: в 1924—1927 гг. составил не менее 46 млн руб., с удельным весом от 44,3 до 29,2% госбюджета (большая часть шла на формирование структур, осуществляющих охрану пограничных территорий и природных ресурсов). В капитальное строительство вкладывали от 7 до 13,4%, в колонизацию — от 3,2 до 12,4%, в среднем на различные дотации приходилось 14,5%, в развитие связи — 8,6%, в сельское хозяйство — 6,3%, в государственную промышленность — 0,9% государственных средств [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 32-а. Л. 29 об.].

В годы первой и второй пятилеток структура формирования местного бюджета изменилась, что приводило к расхождениям текущей отчётной документации с итоговыми данными, но принцип многообразия источников финансирования Дальневосточного региона сохранился, включая перераспределение средств общесоюзных и республиканских ассигнований в соответствии с основными направлениями строительства нового социального общества.

По данным плановых структур Дальневосточного края, предполагалось использовать на модернизацию региона в годы первой пятилетки 686 млн золотых руб., из них 449,3 млн из государственного и 53,4 млн — из местного бюджета, остальные — из других источников. Параметры их распределения по сравнению с предыдущим периодом изменились: в реконструкцию промышленности вкладывалось 29%, транспорта — 27%, сельского хозяйства — 5%, на сельскохозяйственное переселение отводилось 3%, на промышленное — 14%, а на социально-культурное

обеспечение дальневосточников — не более 5% только из местных ресурсов (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 70. Л. 20]).

Программа развития Дальнего Востока второй пятилетки, так же как и первой, предусматривала экономическую модернизацию в рамках экспортной, минерально-сырьевой специализации при снабжении продовольственными и материальными ресурсами, рабочей силой из центральных районов страны. В то же время, исходя из установки создания индустриально-аграрной базы, предусматривалось усиленное финансирование промышленности, транспорта, связи. Всего за пять лет планировалось направить на социально-экономическое развитие края 1814,2 млн (1 млрд 814 млн) руб., что превысило расходы бюджета первой пятилетки. При определении доходной части регионального бюджета учитывались и добровольные сборы (заём, самообложение), которые должны были составить на конец пятилетки 42,8 млн руб. против 18,3 млн руб. в 1932 г. [9, с. 220].

По данным краевой статистики, объём капиталовложений в модернизацию Дальневосточного края в 1928—1935 гг. составил более 4,1 млрд руб., из них 35% направили в промышленность, 44% — на транспорт, 7% — в сельское хозяйство. Судя по отчётности, местный бюджет ежегодно увеличивался, был сбалансирован, составив за 1932—1936 гг. приблизительно 1,6 млрд руб. как по доходам, так и расходам, но его доля в финансировании социально-экономического развития региона сократилась с 39,7 до 22,3% (подсчит. авт. по: [ГАХК. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 290]).

Программы размещения производительных сил СССР в период многоукладной экономики акцентировали внимание на восстановлении производственных мощностей с использованием энергетических ресурсов и золотовалютных резервов, повышении производительности труда в рамках единого общесоюзного пространства. В 1923/24 г. 47,2% национального дохода СССР давало сельское хозяйство, 21,8% — промышленность, 7,6% — транспорт, 15,2% — торговля, 2,3% — строительство, 4,9% — налоги, пошлины [4, с. 279—280].

Дальневосточный регион в 1920-х гг. характеризовался как аграрно-промышленный с темпом прироста валовой продукции ниже общесоюзных показателей приблизительно на 25% (см. табл. 1). Пространственная региональная стратегия расширенного воспроизводства делала акцент на наиболее эффективных направлениях для накопления ресурсов в рамках сырьевой специализации и обмена между экономическими районами СССР (см. табл. 2). В промышленном производстве значительную роль играли частные капиталы: государству принадлежало в угольной промышленности 97%, в обрабатывающей — 52%, в рыбной — 55%, в золотодобывающей — 25%, в местной кооперативной — 21%, в лесной — 8% [5, с. 371].

Одним из источников накопления средств Дальневосточного края являлись экспорт (составлял 10,6% общесоюзного экспорта) и долгосрочное сотрудничество с иностранными компаниями по эксплуатации минеральных, лесных и биоресурсов. Япония, зависевшая от импортных поставок сырья,

Таблица 1

Объём капиталовложений в народное хозяйство ДВК, млн руб.

Годы	Всего вложений	В том числе			
		промышленность	сельское хозяйство	транспорт	прочее
1923/24	11,0	н/с	н/с	н/с	н/с
1924/25	23,0	н/с	н/с	н/с	н/с
1925/26	17,0	н/с	н/с	н/с	н/с
1926/27	33,0	н/с	н/с	н/с	н/с
1928	74,0	27,4	16,7	21,0	8,9
1929	85,6	48,2	9,1	24,5	3,8
1930	211,8	104,4	60,1	39,2	8,1
1931	295,4	133,0	94,5	40,0	27,9
1932	370,0	147,0	30,0	150,0	43,0
1933	445,4	196,0	31,9	173,4	44,1
1934	1293,2	334,8	30,2	636,6	291,6
1935	1336,0	460,0	24,2	711,8	140,0

Сост. авт. по: [ГАХК. Ф. 719. Оп. 28. Д. 953. Л. 11].

Таблица 2

Основные показатели производства ДВК в 1923/24—1926/27 гг., млн руб.

Отрасли	Производство	Годы			
		1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Промышленность	Промышленность всего, в т.ч.:	73,7	85,3	105,0	117,9
	крупная цензовая, в т.ч.:	38,3	45,5	59,0	68,5
	горная	н/с	4,7	6,3	9,8
	обработка сельхозсырья	н/с	31,5	41,0	46,6
	обработка промсырья	н/с	9,3	11,7	12,2
	золотопромышленность	7,2	10,2	8,5	6,2
	мелкая цензовая	28,2	29,6	37,5	43,2
Сельское хозяйство	Сельское хозяйство всего, в т.ч.:	178,7	179,6	248,4	256,9
	земледелие	68,4	73,7	100,9	102,9
	животноводство	42,3	44,6	57,1	63,0
	лесоводство	18,1	19,2	29,3	40,6
	рыболовство	39,6	36,3	54,3	45,4
	охота	10,3	5,8	6,8	5,0
Итого		252,4	264,9	353,4	374,8

Сост. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 113. Л. 2—2 об.].

заключила 11 концессионных соглашений: 4 — по добыче рыбы, 3 — угля, 2 — золота, нефти и леса. Наиболее успешными являлись угольные, нефтяные проекты на Северном Сахалине и рыбные — на Камчатке [12, с. 4].

Процесс индустриальной модернизации 1930-х гг. сопровождался изменением не только отраслевой структуры дальневосточной экономики, но и её территориальной организации в новой административной конфигурации ДВК. Решались проблемы повышения обороноспособности страны: доля военных отраслей в промышленном производстве СССР по предварительным расчётам составила в 1930 г. приблизительно 3%, в 1932 г. — 5—6%, в 1940 г. — до 25%. Финансирование военно-стратегических мероприятий в восточных районах осуществлялось из государственного бюджета (из местного бюджета ДВК выделялось не более 1%), но данные не отражаются в официальных источниках.

Применительно к дальневосточному театру военных действий предстояло организовать производство вооружения, ремонт и обслуживание техники, увеличить добычу редкоземельных металлов, производство горюче-смазочных материалов и топлива. Выполнение плановых задач должно было обеспечить завершение технической реконструкции производства, создать резервы мощностей, прежде всего, в тяжёлой промышленности, обеспечить рост продовольственной базы страны и повысить социально-культурный уровень населения (см. табл. 3). С 1930 по 1937 г. в тяжёлую промышленность ДВК было вложено около 2,3 млрд руб., из них 36% — в машиностроение, 18% — в нефтедобычу, 12% — в угледобычу, по 7% — в электроэнергетику и добычу, переработку редких и цветных металлов. Численность рабочих, занятых в тяжёлой промышленности, увеличилась более чем в 3 раза, объём выпускаемой продукции — в 7 раз (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 75. Л. 8—10]).

Государственное планирование по основным статьям расхода и финансирования, объёмам валовой и товарной продукции, материальному и ресурсному обеспечению ориентировалось, прежде всего, на потребности предприятий машиностроения и вспомогательных производств. Модернизация четырёх старейших дальневосточных предприятий проводилась при сохранении их производственного профиля, что позволяло путём дооснащения сэкономить значительные средства, новые строились с возможностью использования технологий в рамках кооперирования с профильными заводами центральных районов страны.

Государственный механический и чугунолитейный завод «Металлист», организованный из бывших мастерских частника И.М. Воронкова в 1928 г., неоднократно переходил из одного ведомства в другое, занимаясь ремонтом заводского оборудования лесной, судоремонтной, угольной промышленности. Старейший завод «Дальсельмаш» («Дальдизель»), как оружейный арсенал до 1917 г., выполнял несложные работы по ремонту артиллерийского вооружения, восстанавливался практически заново, неоднократно меняя ведомственную принадлежность, изготавливал главным образом сельскохозяйственный инвентарь и машины. Ремонт артиллерийского

Таблица 3

Основные показатели модернизации ДВК, 1913—1936 гг.

Отрасли	Показатели	Единицы измерения	Годы			
			1913	1928	1932	1936
Промышленность	Количество предприятий крупной промышленности	ед.	227	192	342	653
	Валовая продукция крупной промышленности (в ценах 1926/27 г.)	тыс. руб.	53 781	84 642	209 202	589 875
	Среднегодовое число рабочих	чел.	28 405	21 914	44 524	70 821
	Выработка на 1 рабочего (в ценах 1926/27 г.)	руб.	1893	3862	4699	8329
	Основные производственные фонды	тыс. руб.	н/с	68 942	184 983	778 068
Сельское хозяйство	Посевные площади, в т.ч.:	тыс. га	702,3	955,9	951,0	1050,2
	госсектор	тыс. га	—	1,1	162,0	270,9
	колхозы	тыс. га	—	24,4	615,6	714,1
	единоличники	тыс. га	702,3	927,8	158,6	10,5
Транспорт железнодорожный	Эксплуатационная длина железных дорог	км	970	2948	2978	3294
	Отправлено грузов	тыс. т	1235	2781	5378	16 203
	Прибыло грузов	тыс. т	1690	4277	6222	17 022
	Отправлено пассажиров	тыс. чел.	1613	3754	10 317	11 338
Транспорт речной	Грузооборот Амурского пароходства	тыс. т	1286,3	509,6	876,3	1823,9
	Отправлено грузов	тыс. т	907,8	2405,2	2104,2	1710,3
Транспорт морской	Прибыло грузов	тыс. т	1006,3	479,8	1024,0	н/с
	Финансирование капитального строительства, в т.ч.:	млн руб.	н/с	74,0	370,0	1670,9
	промышленное	млн руб.	н/с	27,4	147,0	н/с
	транспортное	млн руб.	н/с	21,0	150,0	н/с
	сельскохозяйственное	млн руб.	н/с	16,7	30,0	н/с

Сост. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 373—381].

и стрелкового вооружения проводился без какой-либо технической документации полукустарным способом с высокой себестоимостью, превышающей в 2—3 раза стоимость новых изделий (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 18. Л. 58]). Капитальный ремонт корпусов и моторов танков, тяжёлых гусеничных тракторов РККА Дальневосточного фронта осуществляли ремонтная база № 77 и завод Энергомаш (введён в строй в 1936 г.) [ГАПК. Ф. П-84. Оп. 1. Д. 35. Л. 9—11].

Реализация кораблестроительной программы СССР на Дальнем Востоке осуществлялась исходя из военно-стратегических задач на тихоокеанском театре военных действий и экономических возможностей региона. На протяжении ряда лет планы судостроения не выполнялись, но изменение направленности кораблестроения и сосредоточение усилий на создании судоремонтной базы позволило повысить боеспособность Тихоокеанского флота.

Дальзавод выполнял сборку и монтаж подводных лодок, сторожевых кораблей, а позже эсминцев, которые секционно доставлялись из Николаева и Ленинграда во Владивосток. С 1932 по 1939 г. было построено 76 боевых кораблей (в том числе 6 сторожевиков, 29 подводных лодок типа «М» и «Щ», 8 — типа «Л») и 139 единиц вспомогательного флота [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 329. Л. 19, 20].

Хабаровский судостроительный завод им. С.М. Кирова (бывший Осиповский затон) после реконструкции и дооснащения осуществлял достройку подводных лодок с монтажом систем и устройств, произведённых на заводах европейской части страны, но комплектующие не поступали, выполнение судостроительной программы срывалось. Завод перепрофилировали как строительную и ремонтную базу Амурской военной флотилии и Амурского речного пароходства [ГАХК. Ф. 1737. Оп. 1. Д. 6. Л. 57].

Судостроительный завод № 199 в Комсомольске-на-Амуре приступил к выполнению программы в 1935 г. и стал самым крупным действующим предприятием региона, несмотря на незавершённость строительства. В составе завода имелось два основных цеха (корпусный и монтажный), корабли монтировались из готовых деталей, и в 1935 г. на воду спустили первые 2 подводные лодки, 2 лидера и миноносец. Завод по производству морских аккумуляторных батарей в Комсомольске-на-Амуре, а также достроечный завод № 263 в Советской Гавани не были введены в эксплуатацию [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1683. Л. 89 об., 90; Ф. 740. Оп. 2. Д. 21. Л. 3, 8, 15].

Авиационные заводы № 126 в Комсомольске-на-Амуре, № 83 им. М. Горького в Хабаровске, № 116 в п. Семёновка Приморского края находились в достроечном состоянии, производили капитальный и восстановительный ремонт различных типов самолётов и моторов, изготавливали мелкосерийные и штучные изделия, запасные части и детали, а также выпускали дальнебомбардировочные самолёты для флота.

Топливо-энергетическая промышленность региона играла важную роль в реконструкции промышленного производства. С учётом наличия больших запасов каменного угля разрабатывались лишь расположенные

вблизи промышленных центров месторождения на Сучане, в Артёме и Кивде, на Северном Сахалине вначале за счёт местного бюджета, а затем — государственных субсидий. Капиталовложения в угольную промышленность за 1923—1936 гг. составили 254,4 млн руб., из них 187,9 млн было направлено на реконструкцию и строительство новых шахт и только 66,5 млн — на строительство жилья. Основные капитальные фонды увеличились в 38 раз, механизация производственных процессов — до 80%. Добыча угля в регионе возросла с 702 тыс. т в 1923 г. (40% добывали частники) до 5,1 млн в 1936 г. (более чем в 7 раз), однако она составляла не более 3,8% общесоюзной добычи и не обеспечивала потребности региона [ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 91. Л. 2—4].

Увеличение производства электроэнергии в восточных районах страны, где обеспеченность ею при расчёте на одного жителя была на 47% ниже, чем в среднем по СССР, рассматривалось как одно из основных условий технического оснащения производственных структур. Силовое энергохозяйство Дальневосточного региона создавалось, по существу, заново по линии строительства индивидуальных установок различной мощности и типов оборудования. Все генерирующие установки работали как на твёрдом (уголь), так и на жидком (сырая нефть, мазут, солярное масло) топливе с низким коэффициентом полезного действия и высокой себестоимостью. Мощность электростанций увеличилась с 11,3 тыс. кВт в 1928 г. до 97,8 тыс. кВт в 1937 г. За данный период было произведено 772,4 млн кВт*ч электроэнергии, из них 47% — промышленными, 36% — коммунальными, по 1% — сельскими и районными, 9% — прочими электростанциями. Энергетические установки обслуживали наиболее важные экономические районы. Например, в Хабаровске с 1931 по 1941 г. их мощность выросла в 27 раз, в Комсомольске-на-Амуре — в 10 раз [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 6. Д. 58. Л. 34]. Артёмовская ГРЭС мощностью 30 тыс. кВт, Владивостокская городская электростанция мощностью 11 тыс. кВт обслуживали Владивосток и Приморский каменноугольный бассейн, что было недостаточно для покрытия потребности. Электрификация промышленного производства региона на конец второй пятилетки составляла 51,8%, а электровооружённость труда — 1,33 кВт*ч на 1 чел. (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 75. Л. 11; Д. 1351. Л. 15]).

Основные усилия по модернизации нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности направлялись на создание технико-экономической оснащённости и интенсивную разработку месторождений на Северном Сахалине. С 1928 по 1937 г. капиталовложения в промышленное и социальное строительство треста «Сахалиннефть» составили 130,8 млн руб., основные производственные фонды возросли с 250 тыс. руб. до 76 млн руб. Добыча нефти за данный период составила 1 млн 406,6 тыс. т — 1,2% общесоюзной добычи (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 91. Л. 5]).

Оторванность месторождений нефти от потребителей (доставлялась морскими и речными путями в июле — сентябре) сказывалась на выработке конечного продукта. Действующий с 1935 г. Хабаровский нефтеперера-

батывающий завод из-за недостатка ёмкостей для сырья и аварий на трубопроводе не освоил проектные мощности, выпустив в 1936 г. 27 тыс. т керосина, 21,9 тыс. т бензина, 21,5 тыс. т моторного топлива, — он удовлетворял потребности региона в горючем не более чем наполовину (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 75. Л. 13; Д. 1351. Л. 11]).

Модернизацию основных производственных мощностей региона сдерживало отсутствие металлургического завода. Так, если в 1925 г. вся годовая потребность Дальнего Востока (включая Забайкалье) в чёрных металлах и изделиях из них исчислялась 25 тыс. т, то в 1934 г. — более чем 300 тыс. т (без Забайкалья), т.е. потребности выросли более чем в 12 раз [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 6. Д. 58. Л. 23]. Комбинат с законченным металлургическим циклом, способный устранить диспропорции между уровнем производства чёрных металлов и потребностями оборонного комплекса на востоке страны, начали возводить ускоренными темпами в Комсомольске-на-Амуре. Однако только в начале 1942 г. первая очередь завода с большими недоделками была принята в эксплуатацию [ГАХК. Ф. 740. Оп. 2. Д. 1. Л. 40, 41].

Добыча редких и цветных металлов на восточных окраинах осуществлялась ещё с начала освоения региона. Золотодобыча составляла в 1914 г. примерно 45% добычи России (добывалось ежегодно до 20 тыс. кг), в 1925/26 г. — 30% добычи СССР. По официальным данным, лаборатории ДВК получили в 1922—1926 гг. 26 784 кг золота, но это лишь малая часть — большая уходила в сопредельные страны контрабандным путём [ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 4. Л. 26, 27]. Старые месторождения истощились, а новые, призванные восполнить потери, не были открыты. В 1933—1940 гг. тресты «Приморзолото», «Амурзолото» («Верхнеамурзолото» перешёл в ведение Восточной Сибири) добыли приблизительно 33 440 кг золота, в том числе 62% мускульным трудом, 18,1% — драгами, 13,5% — фабриками, 3,1% — гидравлическим способом, 3,3% составила скупка (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 75. Л. 25; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 18. Л. 96]).

Сихотэ-Алиньский полиметаллический комбинат «Сихали», объединяющий группу месторождений, являлся основной базой свинцово-цинковой промышленности Дальнего Востока. Разработка месторождений велась крайне неритмично, за 1907—1918 гг. добыча частных предпринимателей составила приблизительно 408 тыс. т и до конца 1920-х гг. официально не велась. С 1928 по 1931 г. концессионеры подняли 375 тыс. т руды. Начиная с 1932 г. месторождение перешло в ведение государства, но, несмотря на вложенные средства, к реконструкции комбината не приступили, производственные циклы по добыче и переработке сырья осуществлялись на старом оборудовании, что сказывалось на выработке продукции. К 1937 г. было добыто 750,2 тыс. т руды, выработано 148,8 тыс. т цинкового концентрата (подсчит. авт. по: [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 5. Д. 180. Л. 8; ГАХК. Ф. 353 ст. Оп. 9. Д. 91. Л. 6]).

Главную роль в добыче редкоземельных металлов постепенно стали играть районы Колымы, где были открыты крупные месторождения

золота и олова, созданы территориально-производственные мощности, в значительной мере обеспечивавшие потребности страны.

Заготовка леса на территории ДВК производилась выборочно вдоль сплавных рек или коммуникационных путей населением, государственными структурами и в частном порядке. В 1920-х гг. лес в больших объёмах экспортировался в Японию и Китай по нарастающей (в 1923/24 г. — 10,8 млн, в 1926/27 г. — 19 млн кубофутов), составляя не менее 30% экспорта Дальневосточного края. Строительство и реконструкция объектов военно-стратегического назначения обусловили развитие лесной и деревоперерабатывающей отраслей. Однако те не могли удовлетворить спрос: за 1928—1935 гг. предприятия Главдальлеспрома (без Сахалина) вывезли всего 22 млн куб. м и сплавили 12 млн куб. м заготовленного леса, а предприятия Наркомлеса выпустили 3,3 млн куб. м пиломатериалов и 38,2 тыс. куб. м клеевой фанеры (подсчит авт. по: [ГАХК. Ф. 719. Оп. 28. Д. 953. Л. 8]).

Производством строительных материалов занимались предприятия, подведомственные местным советам. Выпуск кирпича в регионе увеличился в 13,5 раза, цемента — в 7,8 раза, пиломатериалов — в 5,3 раза, но производственные мощности управлений промышленности стройматериалов и промыслового союза не обеспечивали выполнение программ (подсчит авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 404. Л. 110; Д. 1351. Л. 370; Ф. 353. Оп. 4. Д. 27. Л. 57]).

Объёмы промышленного производства в регионе определялись сырьевой базой, возможностью её переработки за счёт изменения промышленного оборудования. Если следовать данным промышленной переписи, то за годы реконструкции энерговооружённость предприятий края возросла в 6,6 раза, оснащённость промышленным оборудованием — в 5 раз, станочный парк увеличился более чем в 3 раза (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 16—19]). Однако, как отмечалось в справке Госплана СССР о комплексном развитии экономических районов страны от 30 мая 1941 г., достигнутые параметры промышленного производства в Дальневосточном регионе не соответствовали задачам модернизации: из Кузбасса и Восточной Сибири завозилось около 700 тыс. т каменного угля, потребность в чёрных металлах покрывалась за счёт Урала и Западной Сибири, в машинах и оборудовании — европейской части СССР [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 199-а. Л. 29, 30].

К началу форсированной модернизации восточных экономических районов сельское хозяйство в Дальневосточном крае являлось основной отраслью, дающей свыше 70% производственной продукции. По характеру оно своеобразно: значительное место занимали такие отрасли, как лесоводство, рыболовство и охота, будучи экстенсивным, требовало повышения технической оснащённости. Край оставался дефицитным в продовольственном отношении: ежегодно завозилось 5—6 млн пудов хлебофуража и 300—400 пудов мяса из Монголии и Маньчжурии, районов Сибири [6, с. 18—19].

Решения советско-партийных структур определяли аграрное направление развития региона в 1920-х гг. путём вовлечения в хозяйственный

оборот удобных земель, увеличивая объёмы товарного производства полеводства и животноводства, используя налоговую политику и кредитование, создавали условия для формирования регионального рынка сбыта и возможности широкого экспорта продуктов сельского хозяйства.

Дальневосточная деревня отличалась большим удельным весом зажиточных хозяйств и применения наёмного труда, наличием корейского земледельческого населения и переселенцев из центральных районов страны, которые не могли быстро адаптироваться на новом месте жительства. Следует отметить, что в 1927 г. засевалось практически столько же, сколько в 1917 г. (в 1917 г. — 1193,5 тыс. га, в 1927 г. — 1078,1 тыс. га), поголовье скота увеличилось с 2870,2 тыс. до 3556,7 тыс. голов. За счёт увеличения посевов технических культур, риса, сои, просовых (чумиза, пайза) возросла товарность и доходность крестьянских хозяйств [ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 1. Л. 88].

Обострение геополитической ситуации на границах с Маньчжурией в конце 1920-х гг., хлебозаготовительный кризис и перебои со снабжением работников добывающих отраслей обусловили изменения политики государственно-партийных структур по обеспечению продовольственной безопасности региона. Перспективный план развития Дальневосточного края имел социально-экономическую направленность — определить специализацию сельскохозяйственных районов, выявить основные направления создания коллективных типов хозяйствования и государственного сектора (совхозы, машинотракторные станции) для увеличения объёмов производства сельскохозяйственной продукции и сырья.

При его составлении определялось территориальное районирование сельскохозяйственного производства на основе анализа естественно-исторических и экономических показателей с точностью до административных единиц. Учитывались рельеф, климат, почва, растительность, плотность населения, состав угодий, система полеводства и животноводства. Проводился анализ производственно-технического состояния различного типа хозяйств по учёту средств производства и капитализации (финансовое состояние), агротехнического обслуживания [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 177. Л. 231, 232].

Предполагалось постепенное создание государственной и колхозно-кооперативной форм собственности сельскохозяйственного производства, которые должны к концу первой пятилетки иметь не менее 28% посевной площади региона, обеспечить 29% валовой и 37% товарной сельскохозяйственной продукции. В реальности темпы создания коллективных хозяйств превышали запланированные. Так, по учётным данным региональных статистических структур, к октябрю 1926 г. из 139,7 тыс. крестьянских хозяйств ДВК (без северных районов) коллективизировано 1,4% хозяйств с 1,2% всей посевной площади, к октябрю 1929 г. из 157,8 тыс. — по 6,6% хозяйств и посевов, к началу 1933 г. из 109,1 тыс. — 54,9% хозяйств засеивали 87,5%, а к началу 1936 г. из 74,1 тыс. хозяйств

88,2% объединились в коллективные хозяйства и имели 97,9% посевной площади региона [ГАХК. Ф. 353. Оп. 5. Д. 2. Л. 48].

Учитывая неблагоприятные для сельскохозяйственных работ природные особенности ДВК (заболоченность почв, бездорожье, частые наводнения, чрезвычайно сжатые сроки посевных и уборочных периодов), государство уделяло особое внимание обеспечению края, снабжению дальневосточного крестьянства сельскохозяйственной техникой. Задачу увеличения сельскохозяйственного производства решали экстенсивным путём; в 1928 г. был достигнут уровень 1917 г. (955,9 тыс. га), однако в 1936 г. засевалось только 1050 тыс. га. Посевы зерновых в этот период остались приблизительно на уровне 837,7—870 тыс. га, а технических культур — возросли с 51,3 тыс. до 94 тыс. га, прежде всего за счёт двукратного увеличения посадок картофеля и овощных культур. Данные об урожайности и валовом сборе зерновых культур показывают, что они колебались в зависимости от погодных условий, оставаясь приблизительно на уровне 6—8 ц по всем типам хозяйств. Валовые сборы пшеницы и овса увеличились в 2 раза, а озимой ржи уменьшились в 4 раза (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 35, 37]).

Постановлением СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 11 декабря 1933 г. колхозы ДВК были освобождены на 10 лет от обязательных поставок хлеба государству. Сельскохозяйственная продукция (помимо натуроплаты МТС) заготавливалась в порядке государственных закупок. С 1940 г. льготы были отменены и введены обязательные поставки сельхозпродукции с закреплённой за колхозом земельной площади [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 23. Д. 86. Л. 29].

Статистические данные (без учёта территориальных изменений) свидетельствуют, что в 1929—1936 гг. объём хлебных заготовок в регионе составил 1,3—1,4 млн т, причём в 1936 г. уровень 1929 г. не был достигнут. Поставки совхозов, колеблясь по годам, увеличивались и определяются в 198,6 тыс. т, или 17% общего объёма. Колхозы предоставили государству 210,5 тыс. т хлеба (36%), но с 1933 г. их роль стала определяющей. Следует учитывать, что колхозы поставили в качестве натуральной оплаты машинотракторным станциям 218,5 тыс. т хлеба. Если произвести подсчёты имеющихся данных, то окажется, что поставки единоличников за 1929—1932 гг. составили 22% и уровень их хлебозаготовок 1929 г. (168,5 тыс. т) был перекрыт в 1935 г. (192,5 тыс. т). Единоличники обеспечили 61% мясopоставок в живом весе из 566,6 тыс. ц, 31% — колхозы, 5% — совхозы. Заготовки мяса ежегодно снижались и уменьшились с 120,6 тыс. ц в 1931 г. (93% поставляли единоличники) до 24,8 тыс. ц в 1936 г. (при увеличении доли колхозов). Следует отметить, что в 1928—1936 гг. сельское население региона поставило государству меховой пушнины на сумму более 36,8 млн руб. и 1,4 млн штук кож (подсчит. авт. по: [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 58]).

Прирост сельскохозяйственной продукции в 1920—1930 гг. не обеспечивал потребности возросшей численности населения и военных структур

на Дальнем Востоке даже с учётом формирования в составе РККА колхозного корпуса. Дальний Восток обладал огромными запасами биоресурсов. Запасы лососёвых пород сокращались из-за хищнической эксплуатации частными русскими предпринимателями и японскими рыбопромышленниками. Основное внимание было сосредоточено на добыче рыбы в прибрежных морских районах промысла. Так, за 1927—1937 гг. на Камчатке было выловлено 7216,8 тыс. ц рыбы-сырца, произведено 4505,1 тыс. ц готовой рыбной продукции, из них 3504,6 тыс. ящиков консервов [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 992. Л. 11, 12]. Добыча рыбы в дальневосточных водах увеличилась и составляла 25,2—26% общесоюзной добычи.

Производство товаров первой необходимости увеличилось в основном за счёт использования привозного сырья (по управлениям местной промышленности Хабаровского края составляло 50,3%, пищевой — 92,8%, лёгкой — 96,5%, промысловой кооперации — 77,1%, кооперации инвалидов — 95,4%) или сырья заказчиков [ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 52. Л. 3; ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 930. Л. 4, 11]. Решения советско-партийных структур, стимулирующие производство продовольственной и промышленной продукции на Дальнем Востоке, остались нереализованными: в регионе выпускалось около 5% объёмов продукции местной промышленности и 7% — промкооперации РСФСР, освободиться от завоза большинства товаров первой необходимости не удалось.

С учётом большой отдалённости Дальневосточного региона от основных промышленных центров страны, государственным планированием предусматривалось увеличение пропускной способности железнодорожной сети и автогужевых дорог с необходимой инфраструктурой. Началось возведение вторых путей основной Транссибирской магистрали, транспортной линии Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре, подходов к государственной границе, базам Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота.

Эксплуатационная длина железных дорог Дальневосточного края увеличилась с 2823 км в 1923/24 г. до 3294 км в 1936 г. и до 3417 км к 1941 г., но на 1 тыс. кв. км территории приходилось не более 1,2 км железнодорожного пути. Железные дороги не только связывали наиболее крупные индустриальные центры Хабаровского и Приморского края между собой, но и являлись основным способом сообщения между регионом и центральными районами страны. С 1928 по 1936 г. грузооборот дальневосточных железных дорог увеличился в 4,7 раза, причём в регион доставлялось грузов больше, чем отправлялось. Среди предъявляемых к перевозке грузов большой удельный вес составляли уголь, лесные и минеральные строительные материалы, хлеб [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1351. Л. 44]. Автогужевые дороги нередко дублировали железнодорожные пути сообщения, а в отдельных случаях являлись самостоятельными и единственными средствами коммуникации в Дальневосточном крае.

В период ускоренного реформирования укрепилась материально-техническая база всех звеньев транспортного флота СССР. Дальневосточные

пароходства располагали 106 транспортными судами, 3 линейными и 3 портовыми ледоколами, которые обслуживали более 200 пунктов. Общий грузооборот портов дальневосточного бассейна с 1913 по 1939 г. вырос с 1912 тыс. до 3920 тыс. т. На первом месте стояли топливные грузы — каменный уголь и нефть [ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 62. Л. 14—14 об.].

Главной водной артерией Дальнего Востока являлась р. Амур с её многочисленными притоками и озёрами. Нижне-Амурское и Верхне-Амурское речные пароходства, Николаевское морское пароходство связывали удалённую от железнодорожной магистрали территорию Хабаровского края с индустриальными центрами. С 1930 по 1936 г. общий грузооборот на Амуре возрос почти в 4 раза и составил 1929,6 тыс. т, превысив уровень 1913 г. в 1,5 раза [ГАХК. Ф. 353. Оп. 6. Д. 58. Л. 51, 53].

Численность и грузоподъёмность транспорта, сокращение времени грузовых операций, уменьшение аварийности на флоте имели большое значение в коммуникационном пространстве региона. Ключевой проблемой модернизации являлась недостаточная численность населения, трудовых ресурсов, которую не удалось решить.

Плановые разработки 1920—1930 гг. констатировали, что «...без комплексного развития основных экономических очагов страны нельзя обеспечить самых важных государственных интересов». Дальневосточный край рассматривался как «...требующий всемерного дальнейшего укрепления как мощный форпост советской власти на Востоке» [13, с. 147; 3, с. 302].

В советской эволюционной модели трансформации Дальневосточного региона 1920-х гг. и мобилизационной модели 1930-х гг. целевыми ориентирами являлись политические, военно-стратегические задачи повышения обороноспособности восточных районов путём их интеграции в общесоюзное пространство. Основные направления модернизации определялись нормативно-законодательными актами и программными мобилизационными решениями государственно-партийных структур, имели единые стандарты, но различались по форме и содержанию.

Унифицированная концепция регулирования всех сфер жизнедеятельности советского общества рассматривала территорию страны как единый объект трансформации, но учитывала пространственную ориентацию естественно-исторических, геополитических и социально-экономических условий. Институциональные и инвестиционные решения модернизации Дальневосточного края учитывали геополитическую расстановку сил и возможности стран Азиатско-Тихоокеанского региона, балансы производства и потребления, межотраслевые и межрегиональные связи СССР при разграничении на индустриальные и сельскохозяйственные, ресурсные районы.

Фундаментальными константами развития Дальнего Востока СССР являлись: природно-ресурсный потенциал как основа региональной экономики; специализация региона и его экономических районов в рамках ориентации на максимальное производство продукции, обеспечение

транспортной коммуникации, увеличение численности населения. На Дальнем Востоке реализовывались широкомасштабные проекты пространственной стратегии. Существенное влияние на ожидавшиеся и достигнутые результаты оказали внутривластные и социальные трансформации, невозможность получения быстрого системного отклика на инвестиционные вложения при недостатке трудовых ресурсов. Декларированный принцип равномерного развития территорий советского общества при неблагоприятных демографических тенденциях не был реализован.

ЛИТЕРАТУРА

1. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчёт. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 782 с.
2. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
3. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. М.: Огиз: Госполитиздат, 1939. 737 с.
4. Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923—24 года. Репринт. М.: Росинформцентр, 1993. 654 с.
5. Борьба рабочего класса за восстановление и развитие промышленности Дальневосточной области (1922—1925 гг.): сб. док. и материалов. Хабаровск: Центральный гос. арх. РСФСР Дальнего Востока, Гос. арх. Хабаровского края, 1962. 416 с.
6. Записка о состоянии и нуждах Дальне-Восточного края: Материалы к докладу Дальнего Востока краевого исполнительного комитета Совнаркому РСФСР. Хабаровск: Далькрайлит, 1927. 69 с.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1925—1953. М.: Политиздат, 1953. 1204 с.
8. Кржижановский Г.М. Сочинения. Т. 3. Социалистическое строительство. М.; Л.: Объединённое науч.-тех. изд-во, 1936. 500 с.
9. Материалы к плану развития народного хозяйства и социально-культурного строительства ДВ края во второй пятилетке (1933—1937 гг.). Хабаровск: Дальгиз, 1932. 256 с.
10. Переселенческое дело: Сборник декретов и распоряжений по переселению. М.: ОГПУ им. т. Воровского, 1927. 360 с.
11. Районирование СССР: Сборник материалов по районированию с 1917 по 1925 г. / под ред. К.Д. Егорова. М.; Л.: Плановое хозяйство, 1926. 307 с.
12. Ремизовский В.И. Кита Карафуто Секию Кабусики Кайша. Хабаровск: Дальневост. гос. науч. б-ка, 2000. 76 с.
13. Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938—1942 гг.). М.: Госполитиздат, 1939. 240 с.
14. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
15. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
16. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).
17. РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики).

REFERENCES

1. *XVI s'ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). Stenograficheskiy otchet* [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim Report]. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo Publ., 1930, 782 p. (In Russ.)
2. *XVII s'ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). 26 yanvarya — 10 fevralya 1934 g. Stenograficheskiy otchet* [XVII Congress of the All-Union Communist Party (b). January 26 — February 10, 1934. Verbatim Report]. Moscow, Partizdat Publ., 1934, 716 p. (In Russ.)
3. *XVIII s'ezd Vsesoyuznoy kommunisticheskoy partii (b). 10—21 marta 1939 g. Stenograficheskiy otchet* [XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10—21, 1939. Verbatim Report]. Moscow, Ogiz Publ., Gospolitizdat Publ., 1939, 737 p. (In Russ.)
4. *Balans narodnogo hozyaistva Soyuzu SSR 1923—24 goda* [Balance of the National Economy of the USSR in 1923—24]. Reprint edition. Moscow, Rosinformtsentr Publ., 1993, 654 p. (In Russ.)
5. *Bor'ba rabochego klassa za vosstanovlenie i razvitie promyshlennosti Dal'nevostochnoy oblasti (1922—1925 gg.): sb. dok. i materialov* [The Struggle of the Working Class for the Restoration and Development of Industry in the Far East Region (1922—1925). Collection of Documents and Materials]. Khabarovsk, Tsentral'nyy gos. arkh. RSFSR Dal'nego Vostoka Publ., Gos. arkh. Khabarovskogo kraya Publ., 1962, 416 p. (In Russ.)
6. *Zapiska o sostoyanii i nuzhdakh Dal'ne-Vostochnogo kraya: Materialy k dokladu Dal'nego Vostoka kraevogo ispolnitel'nogo komiteta Sovnarkomu RSFSR* [Note on the State and Needs of the Far East Territory: Materials for the Report of the Far East of the Regional Executive Committee to the Council of People's Commissars of the RSFSR]. Khabarovsk, Dal'krailit Publ., 1927, 69 p. (In Russ.)
7. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. T. 2. 1925—1953* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. Vol. 2. 1925—1953]. Moscow, Politizdat Publ., 1953, 1204 p. (In Russ.)
8. Krzhizhanovskiy G.M. *Sochineniya. T. 3. Sotsialisticheskoe stroitel'stvo* [Works. Vol. 3. Socialist Building]. Moscow, Leningrad, Ob"edinennoe nauch.-teh. izd-vo Publ., 1936, 500 p. (In Russ.)
9. *Materialy k planu razvitiya narodnogo hozyaistva i sotsial'no-kul'turnogo stroitel'sva DV kraya vo vtoroy pyatiletke (1933—1937 gg.)* [Materials for the Plan for the Development of the National Economy and Socio-cultural Construction of the Far East Territory in the Second Five-Year Plan (1933—1937)]. Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1932, 256 p. (In Russ.)
10. *Pereselencheskoe delo: Sbornik dekretov i rasporyazheniy po pereseleniyu* [Resettlement Case: Collection of Decrees and Orders for Resettlement]. Moscow, OGPU im. t. Vorovskogo Publ., 1927, 360 p. (In Russ.)
11. *Rayonirovanie SSSR: Sbornik materialov po rayonirovaniyu s 1917 po 1925 g.* [Zoning of the USSR: Collection of Materials on Zoning from 1917 to 1925]. Ed. by K.D. Egorov. Moscow, Leningrad, Planovoe hozyaystvo Publ., 1926, 307 p. (In Russ.)
12. Remizovskiy V.I. *Kita Karafuto Sekiyu Kabusiki Kaisha* [Kita Karafuto Sekiya Kabushiki Kaisha]. Khabarovsk, Dal'nevost. gos. nauch. b-ka Publ., 2000, 76 p. (In Russ.)
13. *Tretiy pyatiletniy plan razvitiya narodnogo hozyaystva Soyuzu SSR (1938—1942 gg.)* [The Third Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1938—1942)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1939, 240 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 04.04.2022